

На вопросы редакции отвечает
**член коллегии адвокатов Израиля
кандидат юридических наук
Антон Мордехай КАНЕВСКИЙ**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД НЕ ВСЕГДА ОБЛАДАЕТ АБСОЛЮТНОЙ ЛЕГИТИМНОСТЬЮ В ГЛАЗАХ ИУДЕЯ

В 2006 году окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2008 году — магистратуру Школы права имени Б. Кардозо (Нью-Йорк). В 2015 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Место галахи (иудейского права) в национальных системах правового регулирования». В 2015 году — приглашенный исследователь Института права и истории имени Берга при Тель-Авивском университете. В 2017 году — старший научный сотрудник сектора теории права и государства ИГП РАН. В 2012–2018 годы преподавал на кафедре иудаики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, в 2018–2020 годы — на юридическом факультете НИУ «Высшая школа экономики». В 2016–2022 годы — советник адвокатского бюро профессора Коринальди (Иерусалим).

— Как соотносится религиозное и светское право в Израиле? Как исторически сложилось такое разделение?

— Подобно любой религиозной группе, иудеи считают себя в первую очередь связанными религиозными нормами. Наличие или отсутствие государства, нахождение на территории какого-либо государства, в котором они являются титульной нацией, или любого другого государства для евреев не столь значимо. В принципе, в этом есть сходство и с другими религиями. Можно даже провести сравнение с Российской Империей, где тоже проживало около пяти миллионов евреев. Правда, они там не были большинством, как в Израиле, но это не сильно меняет ситуацию с точки зрения поставленного Вами вопроса. Как получается, что люди чувствуют себя связанными не только религиозными, но и государственными нормами, думаю, объяснять не надо. Субъективно это общая проблема того, что делать, когда совесть требует не подчиниться закону, как в «Антигоне» Софокла.

Если копнуть немного глубже, то можно отметить, что когда государство пытается, как правило в благих намерениях, учитывать религиозные нормы и то, как они регулируют жизнь соответствующей группы населения, оно неизбежно создает некую параллельную систему норм, которая имитирует религиозное право. Эта ситуация характерна не только для Израиля.

Если, допустим, евреи считают обязательным для себя обращаться за решением каких-либо вопросов к раввину, то государство может захотеть взять этот процесс в свои руки, чтобы одновременно и контролировать его, и удовлетворять запрос граждан, понимая, что при попытке ограничить данную потребность возникнет жесткое противостояние государственной власти. Соответственно, государство вынуждено вводить такое регулирование, которое хоть сколько-нибудь соответствует религии, — например, как в Российской Империи, попытаться ввести институт казенных раввинов. Но казенный раввинский суд государство создать не смогло, хотя так называемые «ученые евреи», которые были и при каждом губернаторе, и в Петербурге при центральном аппарате МВД, объясняли, что для решения определенных вопросов, связанных, скажем, с разводами, необходим раввинский суд. Таким образом, дополнительным буфером между государством и религиозной группой, помимо казенных раввинов, становились «ученые евреи».

Очень похожая ситуация, хотя и с существенными нюансами, сложилась сейчас в Израиле. Созданы государственные раввинские суды. Существует департамент иудейского права при Министерстве юстиции. Но в действительности, так же как и тогда в России, в современном Израиле человек глубоко верующий не будет воспринимать религиозный суд, созданный государством, легитимным в полной мере. В Российской Империи параллельно с казенными раввинами были духовные раввины, а сегодня в Израиле, да и в любой другой стране, евреи прежде всего обращаются к тем раввинам, которых считают обладающими духовным авторитетом. Соответственно, вопрос о том, обращаться ли в казенный раввинский суд и как вести себя в нем, еврей будет обсуждать с тем раввином, который является для него авторитетом, — и точно так же он будет решать любой другой сложный, важный вопрос в своей жизни. При этом в Израиле есть негосударственные раввинские суды с разной степенью институционализированности и разной степенью признания значения решения этих судов государством, в том числе третейские суды.

— Государственный суд не обладает достаточной легитимностью в глазах иудея?

— Однозначно. Я попробую пояснить. В иудаизме есть разные тонкости применения и толкования правил. В наших святых книгах, в их классических комментариях есть абстрактные формулировки, но их сложно приложить буквально к конкретной жизненной ситуации или к вопросу отдельного человека. Далеко не так много людей понимают и чувствуют, как применить то или иное абстрактное положение в конкретном вопросе. Можно сказать, что религиозная жизнь человека, выстраивание им отношений с Творцом в каком-то смысле очень похожи на семейную жизнь и что с религиозной точки зрения семья (прежде всего отношения с супругом) человеку дана именно для того, чтобы у него был какой-то материальный аналог для лучшего понимания отношений с Творцом. Понятно, что эти отношения, так же как и семейная жизнь, далеко не в каждый момент времени идеальны, тем не менее большинство людей всю жизнь стремятся к идеалу и не устают это делать. То же самое в отношениях с религиозными ценностями: далеко не всегда человеку получается правильно уловить то, что на самом деле от него ожидается с точки зрения иудаизма. И представления раввинов, глубина их понимания, их чуткость в конкретной ситуации далеко не всегда идеальны. Но это не причина для людей отказываться от стремления постоянно, вновь и вновь, каждый день выстраивать свои отношения с Богом правильно. С точки зрения иудея, Тору, как ориентир в отношениях с Творцом, заменить невозможно. Вопрос, как ее правильно интерпретировать и кто это может сделать верно.

После этого предисловия, может быть, будет немного яснее следующий момент. Есть в иудаизме такой принцип — не обращаться в нееврейские судебные органы, в том числе и любые государственные органы, даже если применяемые ими нормы точно копируют нормы Торы. Большинство обеспокоенных этими вопросами евреев не считают государственные суды Израиля в полной мере обладающими статусом суда Торы и потому полагают, скажем так, крайне нежелательным передавать спор на их разрешение.

— А быть ответчиком в таком суде — это не грех?

— Нет, не грех. Быть ответчиком — это неизбежность. Человек оказывается в статусе ответчика не по своей инициативе. Пытаться избежать такой ситуации — это хорошо. С точки зрения многих иудеев, даже государ-

ственные раввинские суды являются государственными и обращаться в них нежелательно. Но государство в определенных случаях не оставляет выбора. Например, официально получить развод можно, только обратившись в государственный раввинский суд. Имущественный вопрос, связанный с разводом, можно разрешать с точки зрения израильского позитивного права как в раввинском государственном суде, так и в обычном светском суде. И здесь перед иудеем встает вопрос о том, какой форум для рассмотрения спора выбрать.

Как ни странно, но духовные раввины, которые отвечают на вопросы людей в частном религиозном порядке, нередко рекомендуют обращаться в светские суды, а не в государственные раввинские, потому что, хоть и грустно это говорить, с точки зрения процедуры, юридико-технических вопросов в них часто проще добиться справедливости. Я хочу подчеркнуть, что я это говорю не в смысле какого-то пренебрежения к институту раввинских судов, а именно применительно к фактическому положению дел в государственных раввинских судах.

Это никак не противоречит ни возможности правильно разрешить любой спор, любую ситуацию и найти для этого авторитетного раввина, ни важности того, чтобы найти такое решение. Это никак не связано с тем, что государство создало свои раввинские и светские суды. Люди, которые хотят искать правду согласно своим духовным устремлениям, могут делать это независимо от наличия государственной системы правосудия.

— Государственный раввинский суд напоминает собой скорее третейский суд или государственный суд с религиозной окраской?

— Я должен сказать, что, как это ни странно, многие государственные суды в Израиле, не только государственные раввинские суды, пытаются при принятии решений искать компромисс между сторонами. В этом они похожи на третейские суды, которые даже в сложных ситуациях стремятся избежать буквального применения норм, если видят возможность привести людей к компромиссу. Вероятно, это обусловлено правовой культурой и косвенным влиянием религии в целом в Израиле. Государственные раввинские суды здесь не исключение, а очень яркое проявление такого подхода. Они намного меньше связаны процедурами, чем светские суды. Но все же это в первую очередь государственные суды, и судьи-раввины, хотя и понимают, что люди ищут в этом

суде религиозную правду, могут даже, чтобы продемонстрировать ограниченность своих возможностей, указать на герб государства, который висит за их спиной, и сказать, что не могут действовать, как раввины, на сто процентов, исходя из своего видения ситуации, потому что находятся на службе у государства. Хотя вне суда, в жизни, они одновременно могут быть действительно авторитетными в духовном смысле раввинами.

— Они получают жалование от государства за свою работу?

— Да. Иногда идут на эту работу, думая, что это одна из возможностей получать зарплату за деятельность, которая связана с Торой, и что они могут продолжать заниматься и изучением, и применением того, что написано в святых книгах; не отрываться от этого процесса ради заработка, а получать заработок, не отрываясь от книг. Я думаю, что иногда потом их постигает разочарование.

— Являются ли судьи государственного раввинского суда членами судейского сообщества или это отдельное сообщество? Есть ли общий для всех судей статус в Израиле?

— Они являются представителями государства. Общение государства с обычными судьями и с судьями раввинского суда выстраивается немного по-разному. Лет тридцать назад, когда председателем Верховного суда был Аарон Барак, а главой раввинских судов раввин Шлома Дыховский, Барак пытался сделать так, чтобы глава раввинских судов стал одним из членов Верховного суда. Тогда бы несколько уменьшился разрыв, который существует между двумя этими государственными системами. Но этого не случилось. Традиционно, хотя это нигде не прописано, в Верховном суде Израиля находится хотя бы один судья, который хорошо разбирается в иудаизме (и в позитивных законах, естественно, тоже), но он при этом не является раввинским судьей. Такой судья отражает в решениях Верховного суда свою позицию с точки зрения позитивного права и положений иудаизма. Но надо понимать, что это заведомо в некотором смысле самодеятельность, потому что, с точки зрения религиозных евреев, такой судья может быть сколько угодно профессором или просто большим знатоком иудаизма, но он не является духовным авторитетом. Такое творчество в рамках судебных решений создает некую отдельную группу прецедентов, очень специфическую. Понятно, что сфера применения этих, скажем так, текстов, очень узкая и для религиозных евреев самоценностью они не обладают.

— **Правильно мы понимаем, что нахождение в составе Верховного суда специалиста по иудаизму позволяет светским судам использовать и нормы религиозного права, базируясь на прецедентах?**

— Это очень тонкий вопрос. Вопрос о влиянии религиозных норм на правовую культуру, позитивно выраженную правовую культуру, на принимаемые законы, на выносимые решения — в некоторой степени политический в Израиле. Есть определенная часть населения, которая озабочена продвижением того, чтобы законы как-то отражали дух Талмуда или чтобы в решениях судов отражалась позиция Талмуда. Но проблема в том, что судья Верховного суда всегда будет анализировать рассматриваемый вопрос с позиций светского права, прецедентов и отдельно укажет, что считает необходимым рассмотреть вопрос с точки зрения иудаизма. Даже если бы речь шла о какой-то действительной лакуне, о каком-то сложном вопросе, который непонятно как решить, и судья искал бы ответ в сфере абстрактного понятия справедливости, то и в этом случае он тоже должен, к сожалению, разделить обоснование решения между тем, как он видит его с точки зрения справедливости в традиции государства Израиль, других государств, и как он видит это с точки зрения Талмуда. Если речь идет о пробеле, вопросе, не урегулированном правом, то у судьи есть право решить его с позиций Талмуда, но это только право. Судья может с тем же успехом сказать, что его представление о справедливости, которое основано на каком угодно праве, подсказывает, что дело надо решить по-другому. Понятно, что такую ссылку на справедливость очень легко привязать к правам человека или другим положениям позитивного права. И как я уже говорил, остается вопрос с духовным авторитетом судей, принимающих решения, даже исходя из религиозных положений и, соответственно, с авторитетом таких решений для верующих.

Поэтому даже если представить, что какое-то здоровое слияние между религиозными и государственными нормами возможно, то мы сейчас находимся в самом начале этого процесса.

— **Можно ли обжаловать решение государственно-го раввинского суда?**

— Да, в этой системе судов есть два уровня. Есть первая инстанция и Большой раввинский суд. Решение Большого раввинского суда можно обжаловать в Верховный суд Израиля.

— **Получается, Верховный суд объединяет всю систему судов, государственных раввинских и светских?**

— Это всё государственные суды. Конечно, раввинский суд будет пытаться доказать, что сфера, в которую Верховный суд может вмешиваться в своих решениях, когда к нему поступают жалобы на решения Большого раввинского суда, очень ограничена.

— **Если имеется спор между религиозным евреем и нерелигиозными, то какой суд его рассматривает? Общий, наверное?**

— Зависит от того, кто является истцом. Религиозные суды в первую очередь занимаются вопросами, связанными с личным статусом человека и с семейным положением, и, как следствие, имущественными вопросами, связанными с изменением семейного положения. В третейский раввинский суд, который обладает частным авторитетом, можно позвать любого человека, если он согласится.

— **Если еврей, призванный в государственный суд в качестве ответчика, будет не согласен с решением по религиозным мотивам, как он поступит?**

— Решение этого вопроса никак не отличается от решения любого конфликта с государственной властью по религиозным соображениям. Это конфликт между совестью и пределами подчинения государственной власти. В такой ситуации каждый может как-то по-человечески разрешить для себя этот вопрос, в том числе проблему взаимодействия со службой судебных приставов.

Поясню. Без надлежащего толкования применять в обычной жизни абстрактные религиозные принципы не так просто. Например, в иудаизме есть общее правило: «Закон государства — закон». Изначально это правило было сформулировано применительно к нееврейским законам и государствам, в которых евреи жили в период изгнания, или применительно к римскому владычеству над территорией Израиля, но этот же принцип применим и к государственной власти Израиля в наше время. Дальше возникает вопрос о пределах применения этого принципа. С одной стороны, можно интерпретировать его крайне узко, а с другой стороны, выигравший в светском суде человек может считать, что на основе этого принципа по религиозным соображениям решение светского суда должно уважаться при условии, что он

получил разрешение на обращение в светский суд от раввина.

Бывают ситуации, когда ответчик неожиданно, против своих ожиданий, выиграл дело в светском суде. На такой случай еще со времен Средневековья есть объяснение, почему он вправе признать такое судебное решение, оставить у себя присужденную ему сумму и это не будет считаться грабежом несмотря на то, что изначально суд был назначен в нарушение религиозных норм и разбор дела проводился не в соответствии с религиозными нормами.

— Если одна из сторон в споре, разбираемом в раввинском государственном суде, не выполняет решение, как на нее воздействовать?

— В государственном раввинском суде, как и в обычном суде, есть служба судебных приставов. Для разрешения спора и последующего обеспечения возможности исполнить судебное решение можно также обратиться в раввинский суд, институционализированный в виде третейского суда. Такие суды действуют в соответствии с законами о третейских судах и в начале рассмотрения спора предлагают сторонам подписать определенные документы, подтвердив тем самым свое согласие с решением такого суда, — тогда это решение можно исполнить как решение любого третейского суда. Такие еврейские третейские суды есть и в Великобритании, и в США. Конечно, создание таких судов, когда в процессе рассмотрения спора духовный авторитет раввина никак не связан с государственной властью, а для приведения решения в исполнение привлекается государство, весьма перспективно.

— Каковы основные источники права для религиозных судов? Какую роль играет светское право, прецеденты? Есть ли у них собственная система прецедентов?

— Если говорить про государственные раввинские суды, то они, конечно, в определенной степени связаны в регламентации своей деятельности позитивным правом, потому что это государственный орган. Прецеденты являются источниками права, так как израильское право в принципе прецедентное, построенное на основах англосаксонского права, хотя и имеет особенности, поскольку во многом создавалось приехавшими из Германии в 1930-х годах юристами. В любом случае

прецеденты играют важную роль, и религиозные суды здесь не исключение, они ориентируются на решения Большого раввинского суда, который имеет большую автономию, чем просто окружной суд. Раввинские суды ссылаются и на решения Верховного суда, и на законы. Этим они отличаются от духовных раввинских судов, включая третейские, или от раввина, который связан только огромным корпусом религиозных источников.

— А если в государственном раввинском суде будет замечена коллизия между источниками религиозными и светским законодательством, по какому алгоритму она будет решаться?

— Она будет решаться, так сказать, технико-юридически. Суд будет исходить из своих возможностей и именно с этой точки зрения изложит проблему и ее решение, стараясь не создавать поводов для скандала на основе такой коллизии с перевесом в ту или иную сторону. Поскольку эти суды занимаются разрешением семейных и вытекающих из них имущественных споров, то ориентируются они в основном на религиозные нормы, а предмет таких споров не создает условий для возникновения значимых или политически острых коллизий на практике.

— Получается, что на практике коллизий не встречается?

— Встречаются, конечно. Например, за разрешением имущественных споров при расторжении брака можно пойти и в светский суд, и в религиозный, иногда люди параллельно судятся в нескольких судах, включая отдельный суд, в котором решается вопрос о том, решение какого суда по спору будет иметь преимущество. Здесь может быть прямой конфликт между решениями.

— Государство небольшое, а правовая система выглядит сложнее нашей.

— Может, так и есть. К тому же суды действительно чувствуют себя достаточно свободными в вынесении решений, они не испытывают давления, будучи независимой ветвью власти, хотя иногда она кажется чрезмерно независимой.

— А в чем, с Вашей точки зрения, была суть конфликта по поводу недавней попытки провести реформу судебной власти?

— Известный судья Аарон Барак, не будучи, может быть, большим знатоком религиозного права и тех метаправовых принципов, которые разработаны в иудейской традиции, был, несомненно, человеком выдающихся интеллектуальных способностей. И он считал, что суд может разрешить любой вопрос на основе абстрактной логики, сфера применения которой безгранична. При этом он ставил свое представление о справедливости выше всего и полагал, что Верховный суд имеет право, исходя из собственных представлений о высшей справедливости, вмешиваться в любой вопрос управления жизнью государства — административный, военный, какой угодно. С другой стороны, есть сторонники мнения — и это не только религиозные люди, — что интеллектуализированная моральная интуиция группы судей не всегда должна быть высшей инстанцией при разрешении тех или иных вопросов и принятии решений. Есть точка зрения, что государственная власть должна иметь не только ограничения, но и определенную свободу. Нельзя, чтобы суд оказался полностью выше органов исполнительной власти, должно быть хотя бы равноправие. Позиция Аарона Барака выглядит на первый взгляд очень демократичной, и часть населения, которая разделяет принципы абсолютной демократии, думает, что полномочия Верховного суда, сфера его вмешательства в общественную жизнь должны оставаться максимально широкими. Люди, для которых демократия не является абсолютной ценностью, хотели бы видеть полномочия Верховного суда более ограниченными и по религиозным, и по политическим, общечеловеческим соображениям, считая, что абстрактный человеческий разум может завести человека не туда, куда ему хотелось бы или где следовало бы оказаться.

В одном древнем высказывании в Талмуде говорится, что надо проводить различие между «спором ради Небес» и спором ради какого-то интереса. «Спор ради Небес» позволяет людям сохранять взаимное уважение, внимание, человечность. Обе упомянутые точки зрения можно анализировать, но хотелось бы это делать без влияния каких-то сторонних интересов, а просто в рамках здоровой дискуссии.

— Как строится иерархия религиозных источников? Различаются ли по значимости толкования того или иного раввина между собой?

— Когда возникает вопрос о том, как тот или иной спор может быть разрешен с точки зрения Торы, то одновременно анализируется весь корпус релевантных источ-

ников — стихи Торы, фрагменты Талмуда, в том числе Мишны, средневековые авторы и кодексы, комментарии вплоть до ныне живущих духовных авторитетов. Вопрос в том, как их интерпретировать. Тексты, которым две тысячи лет, остаются абсолютно актуальными и живыми применительно к любому современному решению. Приведу пример. Когда пятьсот лет назад создавался самый главный, скажем так, еврейский кодекс — Шулхан-Арух («Накрытый стол»), его автор предварительно написал комментарии к двум условно основным кодексам, которые существовали до него, и разобрал, каким образом каждый из двух кодификаторов пришел к тому мнению, который он включил в кодекс и почему какие-то мнения он не учел. Надо понимать, что каждый раввин, который обладает авторитетом и знаниями, достаточно свободен в толковании, он вправе показать, что интерпретация конкретного вопроса в прежних источниках или древними авторами не касалась какого-то нюанса, который усматривается в возникшей перед ним проблеме, и вынести новое решение.

Существует иерархия общепризнанного авторитета, я бы сказал святости, составителей тех или иных книг, в том числе наших современников, и чем большим авторитетом обладает тот или иной человек, автор книг в прошлом или сейчас, тем сложнее решиться спорить с его мнением, за исключением случаев, когда речь идет просто о том, что его мнение касается несколько другого случая. В этом и состоит искусство толкования раввинов — показать, что ранее высказанные очень авторитетные мнения весьма значимы, но тем не менее не учитывали какие-то аспекты рассматриваемого вопроса и поэтому раввин чувствует себя вправе отойти от них, как правило, сославшись на мнения не менее авторитетных раввинов, разбиравших ситуации, аналогию с которыми не пришло бы в голову провести при первом взгляде на ситуацию.

Раввин, менее знающий или менее авторитетный, будет больше чувствовать себя связанным тем, что написано в той или иной книге. Понятно, что слова Талмуда требуют интерпретации и есть определенная традиция интерпретации и традиционная иерархия авторитета интерпретаторов, т.е. речь идет не об авторитете источника, Талмуда например, который, естественно, незыблем, а об авторитете мнений, зафиксированных в разных книгах. О том, что по многим важнейшим вопросам могут быть прямо противоположные авторитетные высказывания, написано: «И эти, и те — слова Бога, несущего жизнь».